

1990–2000-е годы как отечественный вариант “потерянного поколения”. В этом плане примечателен и выбранный в последнее время для него термин “креативный класс” [1, с. 174].

Автор показывает, что потенциал российского “креативного класса” ещё далеко не исчерпан. Со Смирновым Д.А. можно полностью согласиться в том, что “творческие амбиции “креативного класса” не имеют возможности быть реализованными без переосмысления своего политического положения, без выстраивания связей с другими общественными группами в современной России, без создания цельной социальной системы, где собственно такие политические интересы будут ясно просматриваться и находить место для претворения наряду с интересами других социальных общностей” [1, с. 189].

Богата на оригинальные выводы и оценки глава 3 “Интеллигенты русского зарубежья о будущем России: раздумья, ожидания, предчувствия” (автор С.М. Усманов). Автором собраны, систематизированы и проанализированы высказывания людей, которые составляют совесть русского народа. Это И.А. Ильин, Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев, А.А. Степун, Г.В. Вернадский, И.Д. Солоневич, П.А. Сорокин, И.С. Шмелёв, Д.А. Бальмонт.

Не может оставлять равнодушным читательский корпус глава 4. Доктор исторических наук, профессор Г.А. Будник, обращаясь к социальной памяти интеллигенции, исчерпывающе выявила риски разрыва, мастерски сформулировала механизмы сохранения. Она справедливо отмечает, что “одним из направлений в изучении процесса формирования сущностных черт интеллигенции может стать исследование закономерностей сохранения исторической памяти” [1, с. 211].

Аспирантка ИвГУ А.А. Неустроева в пятой главе затрагивает два аспекта касательно украинской интеллигенции: исторический опыт и

роль в современном обществе. Каждый аспект анализируется при приоритетном применении идеографического, аксиологического, историко-генетического, историко-сравнительного, историко-системного, историко-типологического методов. А.А. Неустроева показывает, что “украинская интеллигенция с момента своего зарождения пыталась понять, что такое нация ... В XVI веке вопросом нации интересовались интеллигенты лишь западных территорий, они видели свой путь развития по европейскому образцу. В XIX веке под нацией понимался весь украинский народ, объединение всех земель. В XX веке мнения интеллигентов опять разошлись. Но разошлись они в вопросе выбора дальнейшего пути развития, а вот то, что Украина должна быть единой целой страной, это общие цели украинских интеллектуалов” [1, с. 240].

Настоящая коллективная монография хорошо вычитана, написана подлинно научным стилем. С её содержанием гармонирует удачно подобранная обложка.

Заключение. Таким образом, российские учёные в очередной раз задали планку в интеллигеноведении, продемонстрировав образец междисциплинарного подхода. Рецензируемая книга будет обязательно востребована учёными, преподавателями учебных заведений всех уровней, студентами, магистрантами, аспирантами, докторантами. Проблемы, сформулированные её авторами, надолго станут стартовым исследовательским полем.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности: коллектив. моногр. / Отв. ред. В.С. Меметов, В.Л. Черноперов. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. – 276 с.

Материал поступил в редакцию 09.10.15

STRELEZ M.V. Sample of interdisciplinary

First in domestic social science the publication makes a comprehensive analysis of the book "Intelligentsia and intellectuals in the changing sociology-political realities" by V.S. Memetov, V.L. Chernoperov. The author of the review points that russian scientists have once again defined the top line for intelligent management. The author indicates a sample of a multidisciplinary approach. The reviewed book will be needed by scientists, teachers of educational institutions of all levels of students, undergraduates, graduate students, doctoral students. Problems formulated by its author will become start base for researching for long time.

УДК 342.731

Лисовская Т.В.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

В системе международной защиты свободы совести можно выделить два основных элемента: правовые механизмы – комплекс международного законодательства, провозглашающее основные права человека в сфере свободы совести и устанавливающее компетенции государства в этом вопросе, и надгосударственные судебные и внесудебные органы, такие как Европейский суд по правам человека и Комитет по правам человека.

Процесс унификации понятия свободы совести и религии и ее правового закрепления начался по окончании II Мировой войны. Основные международные документы, регулирующие вопросы прав человека, а в нашем случае – свободу совести и вероисповедания, содержат четыре ключевые положения, касающиеся свободы совести и вероисповедания: закрепляется базовое право на свободу совести (Европейская Конвенция прав человека (ЕКПЧ) ст. 9, Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) ст. 18.1), декларируется отсутствие дискриминации по религиозному признаку (МПГПП ст. 2.1, 26, ЕКПЧ ст. 14), устанавливается право родителей самостоятельно определять религиозное воспитание и обучение своих детей (МПГПП ст. 18.4, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах ст. 12.3, Первый протокол к ЕКПЧ п.2), возможность ограничения свободы совести и

религии (МПГПП ст. 18.3, ЕКПЧ ст. 9.2). ЕКПЧ и МПГПП также содержат и другие важные права, касающиеся свободы совести – свободу выражения, частную жизнь, права ассоциаций, право на брак, которые коррелируются со свободой совести.

Международные документы, как мы видим, задекларировали свободу совести и религии как одно из основных прав человека и в то же время, предусмотрев возможность государства применять ограничения свободы совести и религии, установили достаточно четкие пределы вмешательства в части 3 статьи 9 Конвенции и в части 2 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. Однако непосредственно объем ограничений в международных правовых документах не указан. Нахождение разумного компромисса между сферой свободной деятельности личности и религиозных сообществ и сферой запрета, нарушение которой уполномочивает государственные органы к разным формам принуждения, до сих пор является открытой дискуссией и ведет к возможности превышения полномочий государства в сфере ограничения и, соответственно, к нарушению свободы совести.

В таких условиях международные органы защиты – Европейский суд по правам человека и Комитет ООН по правам человека – являются необходимыми и важными механизмами защиты свободы совести.

Лисовская Татьяна Витальевна, к.и.н., доцент кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

В деятельности Европейского суда по правам человека и Комитета по правам человека в сфере защиты свободы совести и вероисповедания можно выделить несколько основных направлений.

1. Теоретическое обоснование, раскрытие терминов и понятий и принципов, заложенных в международных документах. Как мы говорили выше, «свобода совести» – это сложное понятие, в декларативной форме закрепленное в основных международных документах. Однако объем, структура и дуалистичность его содержания права не расшифрованы и не могли быть расшифрованы ни в Пакте, ни в Конвенции. В такой ситуации возникает потребность в дополнительных разъяснениях основных теоретических понятий в рамках свободы совести, которая возлагается на международные органы защиты.

Объем понятия «свобода религии». В 1993 году Комитет по правам человека принял Замечание общего порядка 22 (48) к статье 18 Пакта. В этом Замечании общего порядка многие измерения права на свободу религии или убеждений получили дополнительное освещение. Особое значение имеет п.2, определяющий объем понятия «свобода религии». В Замечании Комитет подчеркивает, что статья 18 защищает «теистические, нетеистические и атеистические убеждения, а также право не исповедовать никакой религии или убеждений». В вопросе о «новых религиях» Комитет, следуя этому широкому толкованию, отмечает, что статья 18 не ограничивается «традиционными религиями или религиями и убеждениями, которые по своим организационным формам или практике аналогичны традиционным религиям» [2].

Европейский суд по правам человека в своей практике поддерживает концепцию Комитета отнесения к свободе совести и нетеистических убеждений, подтверждая этот принцип в деле Эроусмит против Соединенного Королевства и в деле Александрис против Греции, отнеся вопросы, связанные с пацифизмом и атеизмом, к сфере действия ст. 9 Конвенции [1, с. 365].

В то же время, в деле *М.А.Б., У.А.Т. и Дж.-А.И.Т. против Канады* (Сообщение № 570/1993) Комитет объявил неприемлемым сообщение, направленное членами вновь созданной, якобы религиозной группы, заявляющей, что их учение и обряды в обязательном порядке связаны с поклонением и распространением «священного символа», которым является *cannabis* или марихуана. По мнению Комитета, эта практика даже предположительно не может относиться к сфере применения статьи 18 Пакта и данные убеждения не относятся к религиозным или нетеистическим верованиям и не защищаются ст. 18 Пакта [4].

«Forum internum». Ни ЕКПЧ, ни МПГПП не обозначили четкое понятие «свобода религии», да и вряд ли это возможно в такой тонкой сфере, как религия. Однако необходимость определения содержания этого права при рассмотрении вопросов реализации свободы совести и религии привели к разработке термина, позволяющего обосновать и определить границу реализации права. При определении личной, индивидуальной религиозной свободы Европейский суд по правам человека употребляет термин «forum internum» (внутренние убеждения) [3, с. 15]. Таким образом, выделяя в содержании «свободы совести» сферу личной веры, Европейский суд четко выделил две стороны «свободы совести» – индивидуальную и коллективную. Как подчеркнуто в п. 5 решения Европейского суда по правам человека от 16 января 1996 г. в деле «С.Д., Д.Д. и Е.Д. против Польши», статья 9 Европейской Конвенции предусматривает защиту от религиозной индоктринации со стороны государства, защищая сферу личной веры – «forum internum».

Допустимость обучения религии в школах. В отношении религиозного образования в рамках государственной школьной системы в Замечании общего порядка по статье 18 нашла свое отражение позиция Комитета, высказанная им ранее в соображениях по делу *Хартикайнен и другие против Финляндии*. В Замечании общего порядка Комитет высказывает точку зрения о том, «что положения пункта 4 статьи 18 допускают преподавание в государственных школах курса общей истории религий и этики, если такое преподавание ведется беспристрастно и объективно». Государственное образование, которое включает обучение в области какой-либо конкретной религии или верования, «несовместимо с положениями пункта 4 статьи 18, если не предусмотрены не имеющие дискриминационного

характера исключения и альтернативные варианты, учитывающие пожелания родителей или опекунов» (пункт 6) [2].

2. Установление границ свободы и критериев ограничения свободы совести Европейским судом. Предусмотренная в международных документах возможность ограничения свободы совести поддерживается Европейским судом и Комитетом по правам человека: «В демократическом обществе может быть необходимо устанавливать ограничения на свободу религии, чтобы примирить интересы религиозных групп. Однако любое такое ограничение должно соответствовать настоятельной необходимости для общества и должно быть соразмерно преследуемой законной цели» - ЕСПЧ, *Сериф против Турции*. Именно определение возможностей ограничения в сфере индивидуальной и коллективной свободы совести и определение границ вмешательства лежит на международных органах защиты.

Прежде всего, следует отметить, что, несмотря на достаточно четкую формулировку в международных документах права на свободу совести в индивидуальном аспекте, Европейский суд определил абсолютный характер данного права и невмешательства государства в сферу личных, индивидуальных убеждений человека – «forum internum». Очевидным выводом из этого понятия является то, что свобода мысли, совести и религии, не связанная с внешним проявлением веры, не может быть предметом ограничений со стороны государства. А всякое вмешательство государства в сферу личных религиозных или нерелигиозных убеждений (с целью заставить иметь определенные взгляды, веру или менять убеждения, или раскрыть свои религиозные взгляды) будет прямо противоречить концепции свободы совести и соответственно международным нормам [1, с.168] и является нарушением права. Такой подход закрепляет отсутствие границ индивидуальной свободы совести и возможность ее ограничения с целью обеспечения предупреждения индоктринации личности со стороны государства и предоставляет возможность для развития, углубления и изменения индивидуального мировоззрения человека [5, с. 722].

В Замечании общего порядка 22 Комитета ПЧ к статье 18 МПГПП проводится различие между свободой мысли, совести, религии или убеждений и свободой исповедовать религию или убеждения. Эта статья не допускает установления каких-либо ограничений свободы мысли и совести или свободы иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору. Эти свободы защищены без каких-либо ограничений, подтверждая неприкосновенность внутренних убеждений человека.

В то же время, свобода совести в коллективном измерении обозначает возможность проявления и реализации религиозных убеждений человека не только на уровне личностной сферы, но и в социуме. Соответственно, в отличие от «forum internum», внешнее проявление религиозных убеждений, чаще связанных с принадлежностью человека к религиозной организации или с публичными религиозными действиями, должно иметь четко обозначенные границы, в связи с очевидной необходимостью учитывать противостоящие интересы [6, с. 325].

Комитет по правам человека подчеркивает, что эти положения должны толковаться строго: не признаются никакие основания для установления ограничений, кроме тех, который конкретно предусмотрены, даже если эти ограничения устанавливаются для других прав, защищаемых Пактом, в частности, по соображениям государственной безопасности. Ограничения могут устанавливаться только для тех целей, для которых они были предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой ими преследуется, и быть соразмерны [2]. Комитет добавляет, что ограничения на право исповедовать свою религию должны применяться таким образом, чтобы не наносить ущерба правам, гарантированным в ст. 18.

Комитетом по правам человека, как и Европейским судом, установлены следующие критерии для возможных ограничений:

- соответствие принципу законности («установлены законом»);
- должны налагаться исключительно для достижения целей, перечисленных в ст. 18.3. МПГПП и ст. 9 Конвенции;
- должны быть необходимы для достижения соответствующей цели (принцип соразмерности);
- не должны являться дискриминационными [5].

По вопросу о законных ограничениях на свободу исповедовать религию или убеждения в своем Замечании общего порядка Комитет отмечает, что положения пункта 3 статьи 18 «должны толковаться строго»: ограничения допускаются только на тех основаниях, которые перечислены в упомянутом пункте, но не для защиты, например, «национальной безопасности», которая упоминается в некоторых других ограничительных положениях Пакта, за исключением статьи 18.

Комитет по правам человека также придерживается узкой точки зрения на толкование понятия «нравственности» как законной цели для ограничения свободы исповедовать религию или убеждения: понятие нравственности складывается на основе многих общественных, философских и религиозных традиций, и, следовательно, установление ограничений на свободу исповедовать религию или убеждения в целях защиты нравственности «не должно основываться на принципах, вытекающих исключительно из одной единственной традиции» (пункт 8).

Выделенные критерии, применяемые Европейским судом по правам человека в Страсбурге и Комитетом по правам человека ООН, являются тестом, на основании которого международные органы защиты определяют, правильно ли государство определило границы реализации религиозной свободы и имеет ли место превышение полномочий государства по ограничению свободы совести и религии. Данные критерии дают нам представление не только о целях ограничения свободы, но и принципах действия ограничительных мер, используемых государством.

Таким образом, определяя возможность ограничения свободы совести, Европейский суд по правам человека и Комиссия ПЧ выделяют дополнительные требования к государственным органам при применении действий ограничительного характера. В своей практике Европейский суд и Комитет, определяя принципы и критерии ограничительных действий, рассматривают каждый случай ограничения свободы совести индивидуально, что делает систему защиты более эффективной.

3. Создание прецедентных источников права. В ситуации вариативности реализации религиозной свободы и отсутствия четко обозначенного в международном законодательстве объема ограничений, большую роль в определении непосредственно границы свободы совести и полномочий государства по ограничению свободы совести и религии имеют решения Европейского суда по правам человека, составляющие прецедентное право, особо значимое в данном вопросе.

Как заявил председатель Европейского суда по правам человека, для ориентирования национальных судов и руководителей в отношении защиты прав человека применяется «умеренная доктрина прецедентов». Такой подход необходим в интересах юридической определенности и равенства перед законом. Тем не менее, она носит «умеренный характер» в силу необходимости обеспечения того, чтобы Конвенция и далее отражала изменения в устремлениях и ценностях общества. Рассмотрение прецедентной практики позволяет также оценить и те основополагающие ценности, которые лежат в основе самой этой практики. Эти принципиальные позиции часто отражаются в постановлениях Европейского суда, который пользуется данной возможностью для разработки тех принципов, которым призваны следовать национальные суды и политические руководители [5, с. 714]. Таким образом, в прецедентной практике имеется важный аспект, поскольку в этой практике может и не содержаться готового прецедента для использования в национальном судопроизводстве, но при этом сама теоретическая основа и те принципы, которыми Суд руководствуется в своих постановлениях, должны направлять и вдохновлять государства-участники Конвенции.

Анализируя судебную практику Европейского суда и деятельность Комитета ПЧ, можно выявить основные спорные моменты, урегулированные Комиссией ПЧ и ЕСПЧ и ставшие прецедентами по вопросу реализации свободы совести:

Религиозное образование: В отношении религиозного образования в рамках государственной школьной системы в Замечании общего порядка по статье 18 нашла свое отражение позиция Комитета, высказанная им ранее в соображениях по делу *Хартикайнен и другие против Финляндии*, которое приводится ниже. В Замечании общего порядка Комитет высказывает точку зрения о том, «что положения пункта 4 статьи 18 допускают преподавание в государственных школах курса общей истории религий и этики, если такое преподавание ведется беспристрастно и объективно». Государ-

ственное образование, которое включает обучение в области какой-либо конкретной религии или верования, «несовместимо с положениями пункта 4 статьи 18, если не предусмотрены не имеющие дискриминационного характера исключения и альтернативные варианты, учитывающие пожелания родителей или опекунов» (пункт 6).

Военная служба: Ссылаясь на жалобы по статье 18, поступающие от отдельных лиц, и на постепенное признание государствами-участниками обоснованности таких жалоб, в своем Замечании общего порядка Комитет подтвердил, что отказ от прохождения военной службы по соображениям совести подпадает под положения статьи 18 о защите этого права: «В Пакте конкретно не говорится о праве на отказ от военной службы по соображениям совести, однако Комитет считает, что такое право вытекает из статьи 28, поскольку обязанности в отношении применения оружия могут находиться в серьезном противоречии со свободой совести и правом исповедовать религию или убеждения» (пункт 11).

Применимость статьи 18 в отношении отказа от прохождения военной службы по соображениям совести нашла свое подтверждение в делах *Бринкхоф против Нидерландов* (Сообщение № 402/1990) и *Уэстерман против Нидерландов* (Сообщение № 682/1996). В последнем деле Комитет четко определил, что из положений статьи 18 можно сделать вывод о праве на отказ от прохождения военной службы по соображениям совести. Однако он не установил нарушения в этом конкретном деле, так как в законодательстве данного государства-участника признается право на отказ от прохождения военной службы по соображениям совести, хотя, одновременно с этим, устанавливаются и определенные ограничения этого права: «Комитет отмечает, что власти государства-участника оценили факты и доводы, выдвинутые автором в поддержку своего требования об освобождении от службы как лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, в свете действующих в государстве правовых положений в отношении отказа от военной службы по соображениям совести и что эти правовые положения совместимы с положениями статьи 18».

Финансирование религий: Нескольких дел, связанных с правом на свободу совести или убеждений, рассматривались с привлечением антидискриминационного положения из статьи 26, в котором религия перечисляется как одно из запрещенных оснований для дискриминации. В деле *Вальдман против Канады*, тесно связанным с делом *Хартикайнен против Финляндии*, Комитет утверждает, что хотя и не существует общего обязательства обеспечивать государственное финансирование религиозного образования, но если государство принимает решение о таком финансировании в отношении одной религии, оно не должно допускать дискриминацию в отношении приверженцев других религий.

4. Индивидуальная защита в вопросах свободы совести.

Среди основных вопросов, рассматриваемых Европейским судом по ст. 9 Европейской Конвенции, и Комитетом по правам человека по ст. 18 Пакта выделяются как дела о защите индивидуальной свободы совести, так и коллективной. В отношении индивидуального аспекта свободы совести, международные органы защиты рассматривали дела, касающиеся следующих аспектов религиозной свободы:

- Религиозные убеждения и трудовые обязательства (*Сингх Бхинтер против Канады – КПЧ*);
- Религиозные убеждения и служба в армии (*Уэстерман против Нидерландов*, *Р. Май против Франции* *Бринкхоф против Нидерландов*, *Баятан против Армении – КПЧ*);
- Исповедание веры, свободы выражения убеждений (*Бускарини против Сан-Марино*, *Бруно против Швеции*, *С.Д. Д.Д. против Польши*, *Полторацкий против Украины*, *Хэндисайд против Соединенного Королевства – ЕСПЧ*);
- Религиозные убеждения и обязательное религиозное обучение (*Кьельдсен против Дании*, *Каситиро против Люксембурга*, *Хартикайнен против Финляндии – ЕСПЧ*, *Folgerø и другие против Норвегии – ЕКПЧ*).

В последние десятилетия увеличивается число жалоб по возможному нарушению свободы совести в коллективном аспекте, касающихся:

- прозелитизма (*Коккинакис против Греции*, *Ларисис против Греции – ЕСПЧ*) [8];

- публичного провозглашения религиозных убеждений и ношения религиозных символов (Дахаб против Турции, Лейла Аахин против Турции – ЕСПЧ);
  - свободы собраний, осуществления религиозных практик (Баранкевич против России, Маннусакис против Греции – ЕСПЧ);
  - регистрации религиозных организаций, строительства культовых зданий (Митрополия Бессарабии против Молдовы, Канейская католическая церковь против Греции – ЕСПЧ);
  - вмешательства во внутренние дела религиозных организаций (Сериф против Греции, Агга против Греции – ЕСПЧ).
- Таким образом, основными направлениями защиты свободы совести в деятельности международных органов защиты (ЕСПЧ и Комитета ПЧ) являются:

- Защита от принуждения (раскрывать свои религиозные убеждения, защита от навязывания определенной религии и мировоззрения, защита от «ненадлежащего прозелитизма») (Бускарини против Сан-Марино, Бруно против Швеции, Александрис против Греции, С.Д. Д.Д. против Польши);
  - Защита исповедания веры (Бускарини против Сан-Марино);
  - Признание и защита религиозных практик (религиозные практики в трудовой деятельности, в армии) (Хоффман против Австрии, Палау-Мартинес против Франции).
  - Определение позитивных обязательств государства. Именно в прецедентной практике Европейского суда четко сформулирована идея обязательств государства осуществлять определенные действия с целью защиты прав. Основополагающий принцип, продвигающий прецедентную практику в отношении позитивных обязательств, состоит в обязанности со стороны государственных органов обеспечивать, чтобы религиозная свобода существовала в духе плюрализма и взаимной толерантности. Например, госорганам может понадобиться осуществлять «нейтральное посредничество» для оказания помощи отдельным группам в урегулировании внутренних споров в рамках религиозных общин (Шааре Шалом Ве Цедек (Cha'are Shalom Ve Tsedek) против Франции, Баранкевич против России). Можно ожидать также, что внутренние процедуры будут позволять сторонникам определенной религии практиковать свою веру в соответствии с требованиями к продуктам питания, хотя это обязательство может быть ограничено обеспечением того, чтобы имелся разумный доступ к продуктам питания, а не доступ к помещениям для ритуального приготовления мяса (Шааре Шалом Ве Цедек (Cha'are Shalom Ve Tsedek) против Франции). При этом, в целом, не считается необходимым предпринимать меры для того, чтобы служащий мог договариваться о том, чтобы иметь возможность участвовать в соблюдении религиозных обрядов (Заявления №№ 33490/96 и 34055/96, Дубовска и Скуп (Dubowska and Skup) против Польши), даже если обязательства, налагаемые на работодателя (когда такая обязанность признается), вряд ли в большинстве случаев будут приводить к значительным затратам.
- Таким образом, международные документы сформулировали общие элементы концепции свободы совести и религии:

- Принцип религиозного и мировоззренческого плюрализма современного общества, а также признание религии как элемента духовного и культурного самоопределения народа.
  - Гарантии реализации свободы мысли, совести и религии. При этом гарантии свободы совести и религии охватывают два аспекта: индивидуальный (сферу личностных убеждений человека) и институциональный (свободу деятельности религиозных организаций как обязательный элемент реализации индивидуальной свободы совести).
- И, как мы видим, принцип уважения к мысли, совести и религии рассматривается как условие существования демократического общества, однако формы обеспечения этого в государствах могут зна-

чительно различаться. Не существует стандартной «схемы». В странах по-прежнему существует богатое разнообразие конституционных и юридических процедур, и оно отражает богатейшую мозаику мировой истории, национальной идентичности и индивидуальной веры. В некоторых государствах конституционным принципом является секуляризм; в других признанным статусом могут пользоваться определенные религии, как официально установленная церковь. Эти отношения между религией и государством, как правило, отражают местные традиции и практические соображения.

В этих условиях деятельность международных органов защиты – Европейского суда по правам человека и Комитета по правам человека – приобретает особую значимость, содействуя утверждению и расширению с теоретической точки зрения содержание основополагающих принципов прав человека. Кроме того, закрепленные на основе решений Комитета по ПЧ положения Замечаний общего характера, а также решения ЕСПЧ по основным прецедентным делам по сути формируют основные принципы современной системы государственно-конфессиональных отношений.

Конечно же следует помнить, что международные органы защиты могут быть не в столь выгодном положении, как национальные власти, для проведения такой оценки и потому во многих постановлениях отмечается сравнительно широкая «свобода усмотрения» для стороны тех, кто принимает соответствующие решения в странах. Однако тщательное рассмотрение аргументов, которые обосновывают вмешательство в данное право, имеющее важнейшее значение как для отдельных лиц, так и общества в целом, на уровне национальной защиты прав человека, при существовании международных органов защиты поможет защитить плюрализм и многообразие, необходимые для реализации прав и свобод личности. В таких условиях Европейский суд по правам человека и Комитет ООН по правам человека играют важную роль, устанавливая наиболее общие стандарты реализации свободы совести и критерии возможного ограничения прав человека и являясь действенным механизмом индивидуальной защиты свободы совести.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Манукян, В.И. Европейский суд по правам человека: право, прецеденты, комментарии: научно-практ. пособие / В.И. Манукян. – Киев: Истина, 2006. – 368 с.
2. Международные документы по правам человека. Подборка замечаний общего порядка ООН. – С. 262–265. – Режим доступа: http://www2.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/HRI.GEN.1.Rev9_ru.pdf. – Дата доступа: 1.10.2014.
3. Мердок, М. Свобода мысли, совести и религии / М. Мердок // Пособие по применению статьи 9 Европейской Конвенции о защите прав человека. – Серия «Пособие по правам человека». – № 9. – 65 с.
4. Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / Сост. Е.В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009.
5. Evans, Carolyn. Church-State Relations in the European Court of Human Rights / Carolyn Evans, Christopher, A. Thomas // Brigham Young University Law Review. – 2006. – Vol. 2006. – Issue 3. – P. 699–725.
6. Evans, Carolyn. Individual and group religious freedom in the European court of human rights: cracks in the intellectual architecture / Carolyn Evans // Journal of Law and Religion. – 2010/2011. – Vol. 26. – Issue 1. – P. 321–343.
7. Hallinan, Dara. Orthodox Pluralism: Contours of Freedom of Religion in the Russian Federation and Strasbourg Jurisprudence / Dara Hallinan // Review of Central and East European Law. – 2012. – № 37. – P. 293–346.
8. Tsitselikis, Konstantinos. Minority Mobilisation in Greece and Litigation in Strasbourg / Konstantinos Tsitselikis // International Journal on Minority and Group Rights. – 2008. – № 15. – P. 27–48.

Материал поступил в редакцию 04.11.15

LISOUSKAYA T.V. *International mechanisms of protection freedom of conscience*

The article analyzes the main elements of the international protection of freedom of conscience: the legal mechanisms - the complex international law and supranational judicial and non-judicial bodies. The author pays special attention to the analysis of the European Court of Human Rights and the United Nations Human Rights Committee. The article states that in addition to individual human rights, the ECHR and HRC sets the most common standards for the exercise of freedom of conscience and the criteria for a possible restriction of human rights. They thus showing an effective mechanism not only to protect individual freedom of conscience, but also to continue to shape the standards for the rights of freedom of conscience.